

Дмитрий Косяков

Задачи русской литературы сегодня

Многие рассердятся на такую постановку вопроса. Как можно говорить о каких-то задачах? Кто имеет право такие задачи ставить? Кто смеет посягать на свободу творца писать то и так, что и как он хочет?

Не переживайте, ставить эти задачи буду не я. Их ставит перед нами время. Я лишь попытаюсь сформулировать их в самых общих чертах. Но зачем вообще их формулировать? Кому их интересно знать?

Кажется, Гёте сказал, что истинный гений — тот, кто сумел ощутить и высказать главную боль своей эпохи. Так вот если вы хотите быть гениальными, если хотите, чтобы вас читали, чтобы к вам прислушались, чтобы за вами шли, извольте слушать своё время и свой народ. В противном же случае наградой за ложно понятую свободу творчества — «свободу от» вместо «свободы для» — вам будет равнодушие при жизни и забвение сразу после смерти.

Но не будем долго на этом задерживаться. Как говорится, мудрому достаточно. Перейдём к обсуждению тех задач, которые ставит перед писателями время.

Коренные проблемы литературы девятнадцатого века

Саму постановку вопроса я почерпнул из замечательной книги Николая Троицкого «Россия в XIX веке». Возможно, он воспринял это у кого-то ещё, но я впервые прочёл это у Троицкого, на него и сошлюсь. Он обозначил три главные проблемы, которые решала русская классическая литература: «Первая из главных проблем русской литературы второй половины XIX в.¹ — это обличение существующего строя. Второй проблемой было отображение жизни народа. <...> Изображая беды и горе народа, классики русской литературы верили в его лучшее будущее. Поэтому они так часто обращались к третьей из своих главных проблем — к изображению положительного героя, человека будущего»².

1. Я бы счёл эти проблемы актуальными и для первой половины XIX века.

2. Троицкий Н. А. Россия в XIX веке (https://scepsis.net/library/id_1551.html).

Итак, у русских классиков было три больших задачи:

- 1) обличение существующего порядка;
- 2) правдивое изображение жизни народа;
- 3) поиск положительного героя.

Это не значит, что они не ставили перед собой и других задач, просто эти три осознавались как коренные и основополагающие. Остальное примыкало к ним, служило решению этих важнейших задач. Ограничивало ли это творческую свободу великих писателей, делало ли их похожими друг на друга? Вовсе нет.

Скажем, в рамках одной и той же задачи — обличения крепостничества — Тургенев пишет «Записки охотника», Гончаров — «Обломов», Гоголь — «Мёртвые души». Произведения различные по поэтике, по настроению, по стилю, даже по идеям и выводам, но пытающиеся решить одну и ту же задачу, каждое по-своему и на своём уровне её решающие. С другой стороны, уже после отмены крепостного права Достоевский продолжил начатое Гончаровым исследование социального и нравственного разложения дворянства.

Кстати, задача могла быть в ходе создания произведения и не решена. Но сама попытка приносила бесценные плоды. Так было с проблемой поиска положительного героя. Произведения, ставившие перед собой эту задачу, чаще развенчивали своего героя, чем утверждали его. Так вышло у Грибоедова с Чацким, у Пушкина с Онегиным, у Тургенева с Рудиным и Неждановым. Для Гоголя неспособность вывести положительного героя во втором томе «Мёртвых душ» вообще стала писательской катастрофой. А Базаров неожиданно шагнул из антигероев в герои. Результаты получались самые неожиданные, но по большей части благотворные.

Тот же Тургенев, развенчивая своих героев-мужчин (не всех), создал плеяду удивительных женских образов («тургеневских девушек»), на которых было воспитано не одно поколение молодёжи. При этом решение важнейших общечеловеческих задач не мешало ему оставаться тонким психологом и, по словам Голсуорси, «величайшим поэтом, который когда-либо писал прозой».

Тем не менее не будем подробно на этом останавливаться. Наша задача иная. Означает ли вышесказанное, что раз принятые русской литературой на себя задачи остались неизменными? Отнюдь.

Новые задачи: сопоставление нового со старым

Революция 1917 года и Гражданская война внесли свои коррективы. Обличать существующий порядок стало бессмысленно, ибо не стало никакого порядка; правдиво описывать жизнь народа стало невозможно, ибо сама эта жизнь стремительно менялась, теряла прежний, установившийся веками облик; искать героев стало не нужно, ибо они никуда и не прятались — все они вышли на авансцену истории, громко заявили о себе и вступили в открытую борьбу. Все эти бывшие задачи оказались поглощены другой, более актуальной, — осмыслением происходящего переворота в контексте истории России. Гибнет Россия (как считали монархисты) или переживает небывалый зигзаг своей истории, раскрывающий сущность её культуры и её народа? Об этом рассуждали Блок и Маяковский, Брюсов и Есенин.

Именно поэзия первой откликнулась на «музыку революции». Маяковский ещё в феврале 1917 года, по собственным воспоминаниям, «пошёл с автомобилями к Думе» и принялся писать поэтохронику «Революция»³. Куприн хоть и не принял революцию, тем не менее впоследствии написал книгу «Ленин. Моментальная фотография». Никто из крупных писателей России (да и мира) не мог обойти стороной эту предьявленную самой историей тему. За поэзией последовал очерк, короткий рассказ, фелетон.

По мере налаживания в Советской России нового быта в эпоху нэпа появились новые задачи: описание нового в сопоставлении со старым: так ли новое ново? — и критика остатков старого (в том числе рядящегося в новые одежды). Этим занимались Ильф и Петров, Зоценко, Булгаков. Глазами Воланда Булгаков пристально всматривался в москвичей, стремясь понять, «изменились ли эти горожане внутренне». И Булгаков, и Зоценко заключали, что в горожанах осталось ещё много старого, хотя и делали из этого противоположные выводы.

Также важнейшим вопросом стала переоценка прежних ценностей. Что предстоит взять с собой в грядущую жизнь из прежнего наследия? Сбрасывать ли Пушкина «с корабля современности»? Об этом же раздумывал Олеша в «Зависти», об этом спорили философы и критики.

3. Маяковский В. В. Собр. соч. в 12 т. Т. 1. М.: Правда, 1978. С. 56.

В этом суть спора футуристов с «попутчиками». Даже сам Ленин успел высказаться на этот счёт: «Красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно „старое“». Почему нам нужно отворачиваться от истинно прекрасного, отказываться от него, как от исходного пункта для дальнейшего развития, только на том основании, что оно „старое“? Почему надо преклоняться перед новым, как перед богом, которому надо поклониться только потому, что «это ново»? Бессмыслица, сплошная бессмыслица! Здесь много лицемерия и, конечно, бессознательного почтения к художественной моде, господствующей на Западе».

Вставал вопрос о том, какой же новый мир мы строим, к чему и ради чего идём. Этому вопросу посвящены вызвавшее много споров стихотворение Алексея Гастева «Башня», а также «Котлован», «Ювенильное море», «Родина электричества» и другие произведения Платонова.

Важной темой стало культурное строительство, борьба с безграмотностью, невежеством, преодоление пропасти между интеллигенцией и народом. И снова вроде бы было не до героев. Героев вокруг хватало. Хотя лица их понемногу теряли индивидуальность и естественность. Как пелось в знаменитом «Марше весёлых ребят»:

*Когда страна быть прикажет героем,
У нас героем становится любой.*

Ну а с воцарением Сталина задачи отпали сами собой. Литература, как любят сегодня говорить, потеряла субъектность. Уже не писатели ставили себе задачи, задачи теперь спускались сверху. И по большей части они сводились к тому, чтобы славить начальство и грозить «врагам». Какая уж там критика существующего строя! В рамках соцреализма можно было критиковать лишь отдельные недостатки (из утверждённого и одобренного списка), сатира умолкает надолго. Умолкают голоса Зоценко и Булгакова. Описывать жизнь народа можно было только в радужных красках, а героя списывать с Павки Корчагина.

Но, опять же, опустим всё это. Я лишь хотел показать, что задачи литературы могут видоизменяться с течением времени. Конечно, потом много ещё чего было: были война и Победа, были «оттепель» и «перестройка», и много значительных художественных произведений было создано — всё это тема для отдельного исследования.

Современные задачи: «Страной наруководили...»

Перейдём к роковому 1991 году и постсоветской реальности. Развал страны, крушение экономики, оплёвывание прежних ценностей

поставили на повестку дня две важнейшие задачи: осмысление произошедшего переворота и оценку советского периода уже в качестве прошлого, в качестве наследия.

С этими задачами литература новой России более-менее справилась. Можно вспомнить «Generation „П“» Пелевина, «Ангел пролетел» и «Красно-коричневый» Проханова, сборник «Убийство часового» Лимонова, «Роман-воспоминание» Рыбакова, «Красный свет» Кантора.

Лимонов пришёл к выводу, что советский «санаторий» был разрушен благодаря психологическому давлению извне и моральному разложению внутри: «РАIX АТОМIQUE сделал невозможным военное столкновение между Западным и Восточным блоками санаториев, но обладание ядерным оружием не уберегло СССР от психологических ударов. Серия „холодных“, психологических войн разрушила коллективную волю Советского государства и подтолкнула его к самоубийству. (Вспомним высказывание Арнольда Тойнби о том, что „великие цивилизации не погибают, но кончают самоубийством“)⁴.

В интервью, посвящённом обсуждению «Романа-воспоминания», Анатолий Рыбаков дал исчерпывающую характеристику правительству Российской Федерации: «Быть заведующими лабораториями — это их потолок. В большом хорошем институте, возглавляемом умными людьми. Там они ещё могли бы руководить. А страной — науководили, да так, что рухнули и производство, и наука, и образование, и культура. Бардак, одним словом»⁵.

Конечно, философы и историки, такие как Александр Тарасов или Джузеппе Боффа, высказались на эту тему отчётливее и глубже, но и литераторы худо ли, бедно ли сказали своё слово.

Ещё недавно мне казалось, что вышеназванные задачи всё ещё актуальны. Но теперь я вижу, что это не так. Можно считать этот этап отечественной словесности завершённым. Вот уже более тридцати лет мы живём в совершенно другой стране. СССР окончательно стал историей, хоронить или оплакивать его уже бессмысленно. Более того, советская эпоха уже мало чему нас может научить, её реализм стал далёкой прекрасной сказкой, а опыт старших поколений по большому счёту бесполезен в нынешней реальности.

Но если современная идеология и официальная культура предали анафеме и вычеркнули из нашей истории весь советский период, если нас стремятся психологически и культурно вернуть в дореволюционную эпоху (иначе чем же

4. Лимонов Э. Убийство часового. М.: Молодая гвардия, 1993. С. 245.

5. Рыбаков А. Зарубки на сердце. Последнее московское интервью//Дружба народов, № 3, 1999 (<https://magazines.gorky.media/druzhba/1999/3/zarubki-na-serdce.html>).

ещё занимаются Акунин с его Фандориным и Яхина со своей Зулейхой?), не означает ли это и возвращение прежних задач классической русской литературы? Если так, то их, во всяком случае, необходимо модифицировать, исходя из нынешних реалий.

Давайте разберёмся по пунктам.

1. *Правдивое изображение жизни народа.* Да, оно снова актуально. И это связано с тем, что снова образовался глубокий разрыв между образованными слоями и трудовой массой. Правда, теперь это связано не с сословным делением общества, как в царской России, а с неравенством доходов. Снова богема, как и двести лет назад, начинает выдумывать себе сказки о народе, представляя его себе загадочным дикарём, а то и ничёмным паразитом. А как живёт, что чувствует, как мыслит этот таинственный россиянин, на плечах которого, на повседневном тяжком труде которого держится страна и на долю которого достаются наиболее тяжёлые невзгоды? И, описывая народ, заглядывая в его душу, нельзя скатиться до чистой описательности, превратиться в натуралиста, в энтомолога, регистрирующего те или иные особенности. Нужно описывать в народе те черты, которые могут быть полезны или губительны для его спасения.

2. *Критика существующего положения дел.* Безусловно, необходима. Но нужно не просто плакать или смеяться, нужно отыскивать корни зла. Как прежде писатели-классики обнаружили источник всех зол в крепостном праве, так и сегодня нужно найти первопричину наших проблем и учитывать её при описании частных неурядиц и пороков. Рискну предположить, что первопричина эта заключается в пресловутом всевластии денег, в имущественном неравенстве. Но возможно, проблема лежит глубже или имеет в России какую-то важную специфику, которую нужно осознать и выразить. Ведь деньги, они и в Америке деньги, и всё-таки Россия — не Америка. Стало быть, всевластие денег накладывается на нашу культуру и наше сознание как-то иначе.

3. *Поиск героя.* Важен и нужен. Причём, повторюсь, не обязательно поиск должен быть успешным (как это было с Чацким, Рудиним и другими). Но необходимо искать типы, которые пытаются преодолеть обстоятельства, причём преодолеть их не только для себя (чтобы построить островок персонального счастья посреди моря человеческих бед), но и для других. Герой — тот, с кем мы связываем надежду на перемены к лучшему. Как Гриша Добросклонов у Некрасова или Данко у Горького.

Читателем руководит страх

Теперь давайте посмотрим, как справляется с этими задачами современная литература.

Если задать «Яндексу» вопрос: «О чём пишут современные писатели?» — то первым делом он почему-то выдаст заметку 2011 года, автор которой сокрушается: «Стоило мне зайти в один из книжных магазинов, взглянуть на прилавок с пестреющими яркими обложками, как мои глаза вмиг округлились: „Тёлки (повесть о ненастоящей любви)“, „Крутые мужики на дороге не валяются“, „Русская мафия — идеальная машина для отмывания денег“, „Порнократия“... Звучные заголовки, ничего не скажешь! Страшно даже подумать о том, что скрывается под обложкой. Вряд ли на страницах этих книг есть что-то, кроме восхваления власти денег, секса и наркотиков. И даже если слова „любовь“ и „дружба“ случайными гостями забредают в эти „шедевры“, то и они невероятно извращаются и опешеляются»⁶.

И всему этому валу третьесортной литературы автор противопоставляет Харуки Мураками, который блуждает «по лабиринтам собственного сознания с целью понять себя», и Пауло Коэльо, который тоже «предпочитает окунуться в глубины внутреннего мира». То, что названные писатели иностранные, — это ещё не так страшно. Ибо у Бразилии, родины Пауло Коэльо, немало общего с Россией. Но вот то, что эти писатели вместо решения главных вопросов современности ковыряются в собственном пупке, конечно, не внушает к ним уважения.

А вот обзор творчества нобелевских лауреатов от издательства «Эксмо»⁷. Посмотрим, с какими формулировками вручали «нобелевку» этим господам. Тони Моррисон (1993) — «за полные мечты и поэзии романы». Дж. М. Кутзее (2003) — «за создание бесчисленного количества обличий удивительных ситуаций» («Это, я бы сказала, притча с нулевым градусом письма, текст инопланетного мудреца», — говорит его переводчица Шаши Мартынова). Жан-Мари Гюстав Леклезю (2008) — «за новизну, поэтические искания и чувственность». Боб Дилан (2016) — «за создание новых поэтических выражений».

Поскольку творчество Дилана я уже анализировал, то позволю себе автоцитату: «Метафоры становятся [для Дилана] самоцелью, их разгадывание превращается для слушателей в забавную игру, которая подменяет собой размышления над мыслью и позицией автора. По проторённой Диланом дорожке ринулись многие рокеры, превратившие своё творчество в яркий иллюзион»⁸.

6. О чём пишут современные авторы? (https://www.dunaeva.info/2011/03/blog-post_28.html)

7. В стиле не откажешь: о чем пишут современные нобелевские лауреаты (https://eksmo.ru/trends/o-chem-pishut-sovremennye-nobelevskie-laureaty-ID15575077/?ysclid=lok4838_bhi282793325).

8. *Косяков Д. Н.* Рок-портреты. Красноярск: Литера-Принт, 2023. С. 24.

Итак, мечты, чувственность, инопланетные мудрствования. Если и упоминаются какие-то насущные проблемы, то они исчерпываются расовой дискриминацией, с которой сегодня так модно бороться. Бесспорно, проблема национальной розни сегодня крайне актуальна, но ведь и у неё есть свои корни, о которых лучше не задумываться, если хочешь стать нобелевским лауреатом.

А вот главная мысль свежей (2023 год) заметки «О чём и как писать современным прозаикам?»⁹ с портала «Многобукв» заключается в том, что «сегодня люди больше нуждаются в эскапизме — в побеге от актуальной современности, преследующей нас в новостных лентах и многочисленных блогах». Соответственно этой задаче отбираются формы и темы. Бегство может осуществляться «через язык, через переводную литературу или отсылки к ней», бежать можно в воспоминания о детстве, в мифопрозу, магический реализм, альтернативную фантастику. Даже описание жизни российской глубинки воспринимается именно в качестве экзотики.

Как писал ещё Вознесенский:

Бегите — в себя, на Гаити, в костёлы, в клозеты,
в Египты —
Бегите!

Но это всё «большая литература», популярная, массовая. А о чём пишут провинциальные авторы? О рыбалке и охоте (бегите!), об адюльтерах, о далёком детстве. Всё мимо, всё по касательной с главными вопросами.

Создаётся впечатление, что провинциальная литература находится на стенках эдакого пузыря, в центре которого находятся темы и вопросы, которых она не смеет касаться: современность, город, общественная жизнь, профессиональная деятельность, культура. Поэтому предпочитают писать о деревне, и не о той, которая существует сейчас, а о деревне своих детских воспоминаний — о старой советской деревне, давно исчезнувшей с лица земли. Воспоминания или сюжеты на исторические темы — лишь бы подальше от современности. Исторические сюжеты авторам принципиально не даются, поскольку они отказываются видеть разницу между прошлым и настоящим, разницу, прежде всего выражающуюся в психологии людей. Они помещают себя и своих знакомых в исторические обстоятельства или приписывают историческим героям свои чувства, свои мотивы и ценности. А эти мотивы и ценности были иными.

Потому и набил у читателей оскомину тема Великой Отечественной войны, что эта тема

9. О чём и как писать современным прозаикам? (https://mnogobukv.hse.ru/news/827046849.html?ysclid=lok5272_tpy628038705)

современным писателям не даётся, она им попросту не по зубам: не понять высокий героизм тех лет людям, которые мечтают спрятаться от жизни в бабушкином сундуке, у которых от слов «интернационализм» и «коммунизм» лицо злобой перекашивается.

Страх прорвать оболочку пузыря заставляет соответственно подбирать и возраст главных героев — это либо дети, либо древние старики, то есть люди, ещё или уже исключённые из общественной жизни, замкнутые в мире сугубо личных переживаний или семейных отношений. О семья! Это настоящее убежище для современного писателя! Его персонажи бесконечно выясняют отношения со своими родственниками, но ни в коем случае не с сослуживцами, начальством, согражданами.

В стихотворениях царит созерцательная неподвижность. Герой сосредоточенно нюхает цветочки и любит закатами наедине со своими экзистенциальными переживаниями. То есть опять же вдали от города, от общества, от культуры. Излюбленной темой оказывается смерть: смерть близких, переживания по поводу своей предстоящей кончины. Быть может, это связано с возрастом наших писателей? Ведь чем старше человек, тем больший вес в его сознании получает прошлое и тем эфемернее становятся настоящее и будущее. Но и молодые пишут о смерти и предпочитают строить свои отношения с вечностью, не выходя из комнаты.

Неудивительно, что современность прорывается в литературу лишь в виде бездарных чиновно-патриотических опусов. Любовный и вдумчивый взгляд на страну, на нашу современность оказывается исключительной редкостью.

Выходит, что главным мотивом для современного писателя и читателя является страх. Страх перед жизнью и стремление найти в литературе убежище от этой самой, своей, жизни. Во всяком случае, так считают архитекторы литературного процесса. И в соответствии с этими представлениями о читательском спросе формируют своё предложение, состоящее из романов-однодневков о любви на жарких островах, о битвах магов с инопланетянами и о детстве в деревне с неизменными журавлями в небе и кустом черёмухи под окном. А публика между тем читает всё меньше.

О людях деревни, о людях труда

Можно считать расчёты издателей и писателей-стахановцев оправданными или нет (я лично считаю, что спрос на глубокое осмысление нашей настоящей жизни существует), но нас волнует не это. Эпоха ставит перед современными писателями важные исторические задачи. И эти задачи должны быть выполнены. Во имя

истории, во имя отечественной культуры, во имя народа и ради собственной совести. По плечу ли это современным писателям?

Думаю, да. И примером тому могут послужить произведения Анастасии Астафьевой и Елены Басалаевой.

Анастасия Астафьева замечательно пишет о жителях деревни, о людях труда. Кто-то скажет: «Ещё бы! Ведь это дочь самого Виктора Астафьева. Ей сам Бог велел хорошо о деревне писать!» Но, на мой вкус, дочь кое в чём превзошла отца. Может быть, именно в силу своей женственности она подходит к теме мягче и деликатнее, без позы нравственного учителя, без напускной грубости. В её душевных рассказах правда вытекает не из авторских нравоучительных отступлений, а из самого повествования.

Например, в рассказе «Для особого случая», открывающем одноимённый сборник, речь идёт о доярке Галине, которой предстоит важное мероприятие. Это становится для скромной женщины целой бедой: «Всё надеялась, что обойдётся. Не обошлось». Нужно ехать в райцентр и выкладывать последние деньги на платье, подыскивать обувь, на кого-то оставлять хозяйство, пока она будет в отъезде...

И только в конце рассказа мы узнаём, что Галине предстояло получить награду из рук самого президента. И хотя с формальной точки зрения вся эта ситуация и реакция Галины выглядит натяжкой: обычно к таким наградам и денег дают, а кто же сегодня от денег отказывается, да и победителей выбирают не столько по заслугам, — но всё же в финале звучит глубокая психологическая правда:

«В четверг выйдет районная газетка, где на первой полосе, занимая всю её центральную часть, будет красоваться фотография с подписью: „Лучшая доярка России 2010 года Галина Кудряшова принимает поздравления от Президента РФ“. Галина стоит рядом с руководителем страны в зажатой позе, ссутуленная, с испуганным взглядом. На груди у неё блестит медалька, приколотая лично Президентом. <...>

Через три дня Галина снимет вырезку и спрячет вместе с платьем и медалькой в самый дальний угол комода».

В этом финале ощущается звенящая пустота между властью и народом — властью, живущей в праздничном мире пышных церемоний, и народом, задавленным нуждой, делами, вообще живущим своей отдельной жизнью. Это два отдельных мира. Конечно, как-то они связаны, ведь первый мир блаженствует за счёт второго, но психологически они не то чтобы враждебны, а чужды друг другу. Им нечего друг другу сказать.

Эта тема получает развитие, углубляется в притче «Глафира и Президент». Снова президент, воплощение и символ высшей российской

власти, встречается с простой селянкой. Но на этот раз не она едет к нему, а он к ней. Приезжает, чтобы помочь по хозяйству и наладить бабкин быт. И хотя вся эта ситуация оказывается бредом заболевшей ковидом Глафиры, Анастасия вполне реалистично описывает быт и сознание российских деревенских стариков, сознание уходящего поколения.

Интересно, что в этом сознании переплетаются ностальгия по советским коммунистическим идеалам, православная религиозность и наивная вера в доброго царя-президента, который, словно мудрый Сталин, печётся о благе простых людей: «Господь явил им великое Чудо! Такое, которое даётся единицам! Через век из небытия вернулась утраченная иконка! И даже то, что она тогда, давным-давно, сгорела вместе с часовой, утвердил Господь: опалены оказались края у образа! Из огня восстала Богородица! И вот Он доверил им это Чудо! И лично в руки Президенту вложил иконку, будто указуя, о ком надлежит в первую очередь печься земному властителю — о сырых и убогих, о вдовах и детях! И ведь он принял этот образ, а вместе с ним и обет»¹⁰.

Но не стоит думать, что Анастасия Астафьева является обличительницей «язв и пороков современности». Нет, она не восстает против несправедливости и вообще старается не ссориться с мировым злом. Это, как вы догадались, уже касательно второй задачи литературы. Не позволяет Анастасии разглядеть зло её идейная установка, ибо она возлагает ответственность за страдания людей на самих людей, на их неискоренимую греховность:

«А люди так и не научились беречь друг друга. Не научились искренности и благодарности. Не умели и не умеют ценить простых земных радостей. Ведь можно утром встать и поклониться солнцу, испить крепкого чаю, погладить кошку, обнять родного человека и стать от этого счастливым. Чего же всё время хочет человек? Почему важное, истинное, сокровенное таит до последнего часа? А брань и проклятия слетают с его языка легко, бездумно? Почему мало ему быть сытым, одетым, жить в тепле, а рвётся он к богатству, к власти? Почему истребляет природу, гадит в доме, в котором живёт сам и оставит жить детей своих? Куда всё быстрее несётся этот земной шарик, раскрученный до невысказанных, губительных скоростей нашей суетой, алчностью, несправедливостью, нелюбовью? И всё плотнее делается время, и всё острее встают вечные вопросы, а ответов на них как не было, так и нет»¹¹.

10. Астафьева А. В. Глафира и президент//День и ночь, № 4, 2023 (<https://журнальныймир.рф/content/glafira-i-prezident-o>).

11. Там же.

В этих жестоких словах, в этой загадочной обиде на «странных жалких людишек»¹², конечно, слышится голос Виктора Петровича Астафьева. Но Астафьева можно понять: он жил в совершенно иные времена, когда, с одной стороны, идеалы справедливости и равенства лежали в основе государственной идеологии, а с другой, критиковать «самую гуманную систему» было себе дороже. Сегодня всё наоборот: корни зла обнажены, общество открыто объявило войну всех со всеми, зоологический принцип выживания сильнейших, поэтому вторая задача — критика существующего жизненного строя — вполне возможна.

Но я ни в коем случае не упрекаю Анастасию Астафьеву в том, что она не делает следующий шаг. Она честно и талантливо старается решать первую задачу — раскрыть нам жизнь народа. И это уже ох как немало для современной литературы, в упор старающейся не замечать ни народа, ни его жизни.

Многие хвалят повесть Максима Васюнова «Кутига» (опубликована в № 8 журнала «Наш современник» за 2021 год) за достоверное изображение жизни деревни. Впрочем, не из одних селян состоит сегодня народ России. Появляются убедительные и правдивые произведения о жизни промышленных рабочих и даже рабочих-мигрантов.

Преодолеть разъединённость

А вот писательница Елена Басалаева, на мой взгляд, плодотворно работает с несколькими задачами. Во-первых, она с интересом и любовью присматривается к простым людям. Героями её рассказов и повестей становятся и деревенские жители (см. повесть «Девушка из города»), но по большей части это именно городские низы, как у Достоевского и особенно Горького, которого Елена называет своим любимым писателем.

Например, в повести «Школа» Елена не только превосходно воссоздаёт трудности, с которыми сталкивается начинающий учитель, но и внимательно присматривается к школьникам, к другим, уже погружённым в образовательную рутину, педагогам. Ситуации узнаваемы, всякий учитель, всякий школьник признает их реалистичность:

«Я кляла себя за бездарно упущенные первые уроки. Пыталась призывать всех к порядку, вызывала особо распоясавшихся к доске, запугивала близкой контрольной, но получалось у меня всё равно плоховато.

В конце сентября мне довелось ехать в автобусе вместе с одним из своих восьмиклассников, Пашей Левченко.

12. Там же.

— О, это вы, Елена Михайловна! — обрадовался улыбчивый Пашка. — Как вам в нашем классе?»¹³

Но сквозь бытовые картины проступает осознание главной проблемы — разьединённости людей. Причём разьединённости этой служат всепроникающие бюрократизм и формализм. В итоге педагоги работают ради отчётности, дети учатся ради оценок, да и на оценки уже начинают смотреть с равнодушием. Зачем все эти люди собрались вместе, чем они занимаются? Тут уже писательница возвышается до второй задачи русской литературы — критики существующего строя и поиска корней зла.

Помимо государственного мертвящего бюрократизма, источником зла оказываются культ успеха, всеобщая конкуренция и власть денег.

Характерно, что интеллектуалы, люди культуры и знания, зачастую оказываются в произведениях Елены не способны просветить, научить простых людей, чем-то помочь им. Интеллектуалы (не поворачивается язык назвать их интеллигенцией) отравлены постмодернизмом, игрой в бисер. Они говорят на непонятном языке, да и не слишком стремятся быть понятными. Им интереснее в мире мифологем, чем в мире людей с их жизненными трудностями.

В рассказе «Дикари» университетский преподаватель литературы Никита бросает фразу: «Литература — это же вообще условность,

игра». И тем самым роняет свой авторитет в глазах ученика.

Эта импотенция интеллектуалов вплотную подводит писательницу к проблеме поиска героя, но всё же за решение этой задачи Елена Басалаева пока не взялась. Её героини лишь ищут выхода для себя, ищут личного спасения, хотя всё же понимают это спасение как духовное, а не материальное благополучие.

Елена Басалаева постоянно возвращается к теме распада СССР и морально-психологическим последствиям этой трагедии. Она исследует эту тему в своих «Сказках девяностых», в повести «Тайна старого дома» и в других произведениях. Остаётся только пожелать Елене дальнейшей плодотворной работы и новых творческих прозрений.

Как видите, отечественная литература не всецело подчинилась рынку, не все авторы стремятся сбежать от реальности и увести за собой читателя. Не все авторы бесцельно пережевывают события личной жизни или занимаются мещанским морализированием. Есть авторы, которые зорко и вдумчиво всматриваются в современность, чтобы познать свой народ и отыскать корень его бед.

Жаль, конечно, что эти ценные произведения тонут в море коммерческой или псевдоинтеллектуальной литературы. Поэтому каждого такого автора надо отмечать, выдвигать и поддерживать.